

УДК 821.133.1(091)

И. О. Дементьев

**«ЧТО ЕСТЬ ГОЛОС ИСТИНЫ?»
АНАГРАММА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА¹**

38

Рассмотрена история феномена анаграммы во французской культуре XVIII в. Отмечены тенденции в развитии литературы, унаследованные от эпохи барокко, в том числе практика создания псевдонимов путем анаграммирования и использования анаграмм в сатирической поэзии. Сведение анаграмм до уровня языковой игры и вторичный характер теоретизирования – характерные черты этого столетия, когда произошел разрыв с эзотерическими традициями прошлых эпох.

The paper explores the history of the anagram phenomenon in the French culture of the XVIII century. The author considers tendencies in the development of literature inherited from the Baroque period, including the practice of creating pseudonyms by anagramming and using anagrams in satirical poetry. The reduction of anagrams to the level of the language game and the secondary nature of theorizing are the characteristic features of this century, when a break with the esoteric traditions of the past eras occurred.

Ключевые слова: анаграмма, Просвещение, французская культура, XVIII в.

Key words: anagram, Enlightenment, French culture, XVIII century.

В многочисленных исследованиях на материале и русской, и западных литератур показано, как писатели XIX–XXI вв. активно использовали прием анаграммирования. Наука об анаграммах – междисциплинарное поле, в котором пересекаются интересы историков, культурологов, лингвистов, литературоведов (с недавних пор – и специалистов в области когнитивных наук), – за последние полвека существенно продвинулась в осмыслении как исторических, так и теоретических аспектов этого культурного явления. В настоящей статье рассмотрен феномен анаграммы во французской литературе XVIII в.

В эпоху барокко наряду с традиционной ролью анаграммы как тонкой интеллектуальной игры появились и новые функции: ее стали трактовать и как специфическую технику текстопорождения, и как повод для рефлексии в зарождающейся науке о словесности. Превзойти мастерство анаграмматистов рубежа XVII–XVIII вв. («золотого века» в

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности» при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00124.

истории анаграммы) никому не удалось, что впоследствии и привело, по мнению Дж. Сартона, к упадку интереса к этому явлению [17, р. 135].

В анаграммировании XVIII в. многое было унаследовано от предыдущего столетия. Так, сохранилась практика анаграммирования имен для создания псевдонимов. Самый знаменитый пример — Вольтер (1694—1778), который, переставив буквы в конструкции *Arouet L. J.* (то есть Аруэ Младший, *le jeune*), получил (с заменой *u* на *v*, а *j* на *i*) прославившее его имя *Voltaire* (по версии Дж. Казановы, стремление анаграммировать оригинальное имя было связано с неблагозвучием имени Аруэ, совпадавшего по звучанию с выражением *à rouer*, применявшимся в отношении лиц, которых надлежало высечь) [4, р. 74—75]². К подобным приемам прибегали не только граждане Республики словесности: среди многочисленных псевдонимов отличавшегося природной скромностью экономиста Франсуа Кенэ (*Quesnay*, 1694—1774) также был анаграмматический — Низак (*Nisague*, с традиционной заменой *u* на *i*) [10, р. 47]. Наряду с именем автора скрывали и место издания книги — так, например, в 1764 г. Жан Пьер Марион выпустил в Безансоне (*Besançon*) трагикомедию, указав на титульном листе вымышленный город *Sonbançe* [13].

Анаграмма по-прежнему использовалась в политических целях — как для панегириков, так и для пасквилей. Примером первого вида анаграмм служит вышедшая в год коронации юного Людовика XV (1722) ода некоего Дебара, кюре из города По. Автор обыгрывал имя короля *Louis Quinse* и латинский девиз *Sol qui venis* («приходящее солнце») [8]. Впрочем, на этой анаграмме, кажется, творческие способности кюре были исчерпаны.

Анаграмм второго вида, конечно, в силу особенностей человеческой природы известно больше. Сам Вольтер обессмертил одного из своих гонителей, выведя в повести «Задиг, или Судьба» (1747) образ архимага Иебора — «глупейшего из халдеев и, следовательно, самого фанатичного из них» [1, с. 15]. *Yébor* — анаграмма *Boyer*, фамилии Жана Франсуа Буайе (1675—1755), епископа Мирпуа [1, с. 342; 18, S. 128].

---

² В XVIII в. бум в анаграммировании имен пережила испанская литература, находившаяся под французским влиянием в период правления Бурбонов (1713—1808): поэт Феликс Мария Саманьего (*Samaniego*, 1745—1801) избрал псевдоним *Cosme Damián*, поэт Мануэль Касаль (*Manuel Casal*, 1751—1837) — *Lucas Alemán*, писатель и политик Мануэль Пардо де Андраде (*Manuel Pardo*, 1750—1832) — *León de Parma* и т. п. [12, р. 159]. Анаграммы не всегда угадывались публикой без труда. Эрудит Грегорио Майянс и Сискар (*Mayans y Siscar*, 1699—1781) в расчете на покровительство написал панегирик португальскому королю Жуану V в 1734 г., но подписался анаграммой *A. Amnis*, и его предприятие не имело никакого успеха [14, р. 190]. Иногда нестрогие анаграммы практически не поддавались дешифровке: араговец Хуан Кристоаль Ромеа и Тапиа (*Juan Cristóbal Romea y Tapiá*), издававший в 1763—1764 гг. в Мадриде газету «Эль эскритор син титуло» (*El escritor sin título*), подписал первый выпуск такой анаграммой: *Licenciado Don Vicente Serraler y Aemor* [12, р. 151]. По всей видимости, осознав неудачу, издатель со второго номера стал подписываться настоящим именем!

Политическая сатира XVIII в. нередко пересекается и с утопической литературой, и с развлечениями либертенов. Популярный некогда писатель Клод Кребийон-сын (Crébillon, 1707–1777) выпустил в 1746 г. в Амстердаме роман «Любовные приключения Зекинизуля, короля кофиранов» (*Les amours de Zeokinizul, roides Cofirans*, псевдоперевод с арабского, 1746). Кребийон прибег к популярному приему, который в истории культуры получил название *ориентализм*, — придав мнимый восточный колорит повествованию, он на самом деле, естественно, описывал современную ему Францию, в связи с чем, в частности, и потребовалось издавать роман за рубежом. Автором сочинения о короле кофиранов был назван путешественник Кринелбол (*Krinelbol*), в этом имени со всей очевидностью угадывается сам Кребийон (звукопись [*Krebillon*]), а в Зекинизуле и кофиранах читатель без особых усилий угадывал Людовика XV — Louis Quinze [*Louiz Kinze*] и французов — François [*Frankois*]³ [5, p. 52–54].

Эти анаграммы оказались настолько удачными находками, что легли в основу ремейка: двумя годами позже публицист Лоран Англивьель де Лабомель (*La Beaumelle*, 1726–1773), тоже известный своим конфликтом с Вольтером, издал подпольно теолого-политический трактат «Терпимый азиат» («*L'Asiatique tolérant*», 1748), призывавший к веротерпимости в отношении протестантов во Франции. Трактат также отсылал к королю кофиранов Зекинизулю и представлял собой псевдоперевод с арабского, выполненный якобы путешественником по имени Бекринолл (*Bekrinoll* — анаграмма имени Кребийона, который к новому опусу был непричастен) [5, p. 52].

Сарказм и ирония вообще оказались свойственны восемнадцатому веку во Франции в большей степени, чем предшествующему столетию. Нет ничего удивительного поэтому, что одним из самых популярных жанров в просвещенных кругах оказалась политическая сатира. Нередко объектами для нее выступали представители того же литературного сословия. Одна из известных (она неоднократно воспроизводилась в изданиях XIX в.) эпиграмм называлась «Анаграмма» (1787)⁴. Она была направлена против Пьера Огюстена Карона де Бомарше (1732–1799) — автора либретто к опере *его приятеля* Антонио Сальери «Тарар»:

Dans un bureau d'esprit, d'une voix prophétique
Une dame criait: *Tarare* tombera.
Madame a-t-elle vu cette merveille unique?
Reprend un défenseur caustique.
Non; mais c'est sûr: *Tarare* au sexe déplaira;
L'anagramme du mot présente: *ratera*⁵.

³ Так же, как под именем *Vorompadar* [*Pompadour*] скрывалась маркиза де Помпадур (*Pompadour*) и т. п.

⁴ Опера была поставлена впервые 8 июня 1787 г., первая фиксация эпиграммы, которая цитируется далее, относится к 14 июня [15, p. 248].

⁵ «В салоне голосом пророка одна дама провозглашала: “*Tarar* провалится”. “Мадам, а вы уже видели эту диковину?” — подхватил язвительный защитник. “Нет, но и так ясно: *Tararu* не хочется любви; анаграмма этого слова показывает: *провалится*”».

В тексте обыграна анаграмма имени Тарар *Tarare* – *ratera*, глагол *rater* в будущем времени. Похоже, что, как и прежде, некоторые авторы продолжали верить в то, что анаграммирование имени помогает уловить какие-то намеки на судьбу.

Своеобразным приемом, достигавшим статуса этического принципа, в эпиграматике было описание объекта нападок без прямого называния имени. Для этих целей анаграмма подходила как нельзя лучше. Именно так действовали пикировавшиеся между собой на закате столетия литераторы Шарль Кольне (*Colnet*, 1768–1832) и Франсуа Жан Дюзозуар (*Dusausoir*, 1737–1823). Кольне в поэтической сатире «Конец XVIII века» (1799) допустил личный выпад в адрес Дюзозуара как плохого любовника и одновременно плохого поэта, не назвав, впрочем, имени последнего. Читатели и особенно читательницы, вероятно, поняли, о ком идет речь, без всяких анаграмм. «Ответ на сатиру, озаглавленную *Конец XVIII века*» (1799) не заставил себя ждать: Дюзозуар также не назвал прямо оппонента, но ввел в текст имена Зоила, Аристарха и Клеона. Последнее указывало на Кольне (*Cléon* – *Colnet*), хотя формально отсылало к почтенной сатирической традиции – к Аристофану, сводившему счеты с афинским политическим деятелем Клеоном в комедии «Осы» (422 г. до н. э.), где действующими лицами выступали Филоклеон («Любящий Клеона») и Бделиклеон («Ненавидящий Клеона») [6, p. 643]. Также анонимный автор сатиры «Пять литературных гигантов» («*Les cinq géants littéraires*», 1802) анаграммировал имя французского писателя-утописта Луи Себастьяна Мерсье (1740–1814) в форме палиндрома Рейкрем (*Reicrem* – *Mercier*) [6, p. 432].

В барочной культуре потенциал анаграмм был широко реализован именно в эпиграматике и, в частности, в политической эпиграмме. Однако восемнадцатый век, который познал расцвет традиции либертинажа, добавил новые краски к этой палитре. Своеобразным гимном искусству анаграммирования стала анонимная эпиграмма середины XVIII в. (публикация 1750 г.), автор которой был прекрасно осведомлен о рисках фривольного образа жизни:

*L'Anagramme est souvent la voix
Par où la Verité s'explique;
Et cet art celebre autrefois
Se rit encor de la Critique.
Austeres Censeurs taisez,
Maman Paris à son école
Doit seule vous confondre tous;
Dans le Roule on trouve vérole* [16, p. 57]⁶.

⁶ «Анаграмма – это голос, которым часто изъясняется Истина; и это знаменитое искусство смеется иногда над Критикой. Умолкните, суровые цензоры! Мадам Париж в своей школе всех вас должна поразить тем, что в *le Roule* (отель Ле Руль) найдется *vérole* (сифилис)». Что за школу с таким зловещим названием содержала Мадам Париж, было, вероятно, хорошо известно всем образованным читателям.

Помимо прямого прославления «знаменитого искусства» традиция французского либертинажа XVIII в. обнаружила и криптографический потенциал анаграммы, скрывавшей сексуальный смысл слова под маской благопристойности. Пьер Франсуа Годар де Бошан (Godard de Beauchamps, 1689—1761) в романе «История принца Апприуса» (1728) дал герою имя *Apprius* (анаграмма имени греческого бога плодородия Приапа *Priapus*); множество непристойных лексем было зашифровано в анонимном сочинении «Анекдоты к секретной истории Эбугоров», изданном в Амстердаме в 1733 г. (в указанном на титуле месте издания *Medoso* проникательный читатель должен был угадать название библейского города Содомы — *Sodome*). «Такие книги можно давать в руки детям, — иронизирует современный исследователь. — Допустимо двойное чтение — невинное или лукавое» [11, р. 26].

Похоже, только во Франции анаграммирование активно применялось также в криптографических целях франкмасонами, под знаком влияния которых прошел XVIII в. Название знаменитой французской масонской организации «Великий Восток Франции» обозначалось как «Г-н Легран Нетори» (*Grand Orient de France — M. Legrand Nétori*), название ложи «Фемида» — как «Ситем» (*Thémis — Sithem*), а «Пикардия» — «Карпидия» (*Picardie — Carpidie*). Анаграммированные имена использовались в конспиративных целях в переписке, которая велась как бы между обычными господами с именами Нетори, Ситем, Карпидия и др. [7, р. 81; 9, р. 43].

В XVI и особенно XVII в. французская (и в целом европейская) культура не только достигла совершенства в применении анаграмм для нужд изящной словесности, но и заложила основы теоретических подходов к этой практике. Исследование анаграмм в рамках гуманитарного знания связано с именами Дж. Паттенхема (1529—1590), Дж. Глэнвилла (1636—1680) Г. Ф. Харсдёрффера (1607—1658), Ф. Цезена (1619—1689), Ю. Г. Шоттелиуса (1612—1676) и др. Однако, похоже, XVIII в., несмотря на бурное развитие гуманитарного знания под лозунгом Просвещения, ничего принципиально нового в рефлексии о феномене анаграммы не привнес.

Наука о словесности в XVIII в., квинтэссенцией которой может служить коллективный проект французской «Энциклопедии», придавала анаграмме сугубо историко-культурный статус. В издании 1758 г. анаграмма определялась как «перестановка букв имени с такой комбинацией тех же самых букв, которая придает выгодный или невыгодный смысл той особе, которой принадлежит это имя» [3, р. 335]. Нетрудно заметить, что функция анаграммы в данном определении редуцирована до языковых игр с именами собственными — приводятся примеры антропонимов (в известном случае Ж. Кальвина — *Calvinus — Alcuinus*) или топонимов (анаграмма исторического названия Лотарингии *Lorraine — alérion*, то есть алерион, вымышленная птица — орел без когтей и клюва, фигурирующий на историческом гербе Лотарингского дома). Впрочем, авторы «Энциклопедии» были прекрасно осведомлены о том, что этот феномен распространяется и на имена нарицательные, примеры которых тоже приводились в статье, в том числе анаграмма латинского слова *logica* (логика) — *caligo* (тьма, туман).

Энциклопедисты находили истоки анаграммы в двух культурах — античной (птолемеевский поэт Ликофрон в III в. до н. э.) и еврейской (традиция *темур* в Каббале, описывавшая правила перестановки букв в именах с целью нахождения скрытого в них смысла)⁷. Очерк развития анаграммы в европейской литературе Средневековья и Нового времени отличала лаконичность — были упомянуты известные во Франции анаграмматисты (Ф. Рабле, Ж. Дора).

В энциклопедической статье практически проигнорированы теоретические аспекты анаграммирования, если не считать рассуждения о существовании двух способов переставлять буквы — строгого, когда в образуемом слове должны быть с точностью повторены все буквы исходного слова («счастливая» анаграмма), и нестрогого, при котором некоторые буквы можно опускать или заменять (например, *c* на *k* и т.п.). В статье приводились и широко известные примеры: вопрос Понтия Пилата *Qui dest veritas?* («Что есть истина?»; Ин 13: 38) анаграммируется в *Est vir qui adest* («Муж, здесь предстоящий»), а имя монаха, убившего французского короля Генриха III, *frère Jacques Clément* («брат Жак Клеман») — в слоган *c'est l'enfer m'a créé* («меня сотворил ад»).

В статье предложена классификация анаграмм. В первом приближении энциклопедисты разделили традиционные анаграммы на логриффы, или ребусы (когда слово делится на значимые части: *sustinea-mus = sus-tinea-mus*), и прочие (по примеру названия Рима *Roma = amor, mora, maro*), отметив, что в последнем случае необходимо прибегнуть к алгебре, для того чтобы найти все возможные комбинации. К новым видам, изобретенным в XVII—XVIII вв., отнесены «математические анаграммы» (как в примере аббата Кателана (*Catelan*), умудрившегося в 1680 г. трансформировать имя Людовика XIV в словосочетание «подлинный герой» — *Louis XIV = vrai héros*), и хронограммы, или «числовые анаграммы» (нумерологические эксперименты, основанные на том, что латинские буквы одновременно являются римскими цифрами).

Во французской культуре XVIII в., для которой характерно повышенное внимание к возможностям Слова как одного из важнейших инструментов просвещения, получили развитие некоторые тенденции эпохи барокко: писатели по-прежнему анаграммировали имена собственные, анаграмма получила легитимный статус «знаменитого искусства» в контексте национальной традиции сатирической литературы. Влияние Просвещения на такое частное культурное явление, как анаграмма, заслуживает отдельного изучения, однако уже можно говорить о двух обстоятельствах, касающихся *обратной стороны титанизма* Просвещения. Во-первых, в XVIII в. криптографические ресурсы анаграммы оказались востребованы в самых разных кругах агентов Контрпросвещения (от либертенов до вольных каменщиков). Во-вторых, несмотря на пафос сциентизма, присущий просвещенческой мысли, анаграм-

⁷ Так, например, из имени Ноя получалось слово «милость, прощение, благодарность» [3, p. 336].

ма как объект теоретической рефлексии оказалась в лучшем случае обречена на воспроизведение прежних представлений (от классификаций до исторических обзоров). «Золотой век» анаграммирования в Европе, который был отмечен крахом эзотерики и переопределением перспектив литературного творчества и филологической науки, прошел, оставив, судя по всему, не слишком богатое наследство преемнику. Однако значение восемнадцатого столетия, возможно, заключается в том, что оно позволило выхолостить всякое иное, помимо игрового (таков общий знаменатель для пародии и криптографии), содержание анаграммы на фоне относительно бедной рефлексии. Именно эти руины некогда величественного здания «золотого века» как будто символизируют бесповоротный характер разрыва с эзотерическими традициями и в искусстве, и в науке. В XIX в. анаграмма вновь заявляет о своих правах в литературе, чтобы затем раскрыть изумленным читателям и творческие, и теоретические возможности этого яркого феномена европейской культуры. Впрочем, полагать, будто все эти возможности раскрыты или могут быть раскрыты, было бы слишком наивным. Французская литература — это наглядное доказательство того факта, что голос, которым иногда изъясняется Истина, никогда не испытывает недостатка в поводах посмеяться над критикой.

Список литературы

1. *Вольтер*. Философские повести. М., 1960.
2. *Свифт Дж.* Путешествие Гулливера // Собр. соч.: в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 173–441.
3. *Anagramme* // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens des lettres. 2 ed. P., 1758. Т. 1. P. 335–336.
4. *Augarde T.* The Oxford guide to word games. Oxford ; N.Y., 1986.
5. *Bernier M.A.* La question du despotisme oriental en France sous le règne du sultan Zeokinizul // Tangence. 2001. №65. P. 52–59.
6. *Blanchard P.* La satire poétique de Termidore à l'Empire: crépuscule d'un genre au couchant des Lumières: la thèse de doctorat. Toulouse, 2013. Т. 2.
7. *Boucher J.* A simbólica maçônica. São Paulo, 2007.
8. *Desbaratz.* Sur l'anagramme du Roy Louis quinsé: Sol qui venis. Pau, 1722.
9. *Dictionnaire de la franc-maçonnerie* / sous la dir. de D. Ligou. P., 1987.
10. *Higgs H.* The Physiocrats. L., 1897.
11. *Lasowski P.W.* Dictionnaire libertin. La langue du Plaisir au siècle des Lumières. P., 2011.
12. *Le Guellec M.* Presse et culture dans l'Espagne des Lumières. Madrid, 2016.
13. [Marion J.P.] Histoire véritable présentée sous le titre: Le mariage rompu et l'amour malheureux, suivi d'une bâtardise injuste, tragi-comédie. Sonbançe, 1764.
14. *Morel-Fatio A.* Un érudit espagnol au XVIIIe siècle. D. Gregorio Mayans y Siscar // Bulletin Hispanique. 1915. Т. 17, №3. P. 157–226.
15. [Petit de Bachaumont L.] Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours, ou Journal d'un observateur. L., 1789. Т. 35.
16. *Petit réservoir* contenant une variété de faits historiques et critiques, de littérature, de morale et de poésies, etc. B., 1750. Т. 3, №41.

17. Sarton G. Notes on the history of anagrammatism. Isis. 1936. Vol. 26, №1. P. 132–138.

18. Stausberg M. Zoroaster im 18. Jahrhundert: zwischen Aufklärung und Esoterik // Aufklärung und Esoterik / hrsg. von M. Neugebauer-Wölk. Hamburg, 1999. S. 117–139.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

About the author

Dr Ilya Dementev, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

45

УДК 821.112.2-1

В. Х. Гильманов, И. Д. Коцев

ГЕРМЕНЕВТИКА ВИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОАННЕСА БОБРОВСКОГО

К 100-летию со дня рождения поэта

Рассматривается поэтическая судьба выдающегося немецкого поэта и прозаика И. Бобровского. Анализируется его поэтология в синтезе антиномичной семантики и метрики. Акцентируется экзистенция вины в творчестве Бобровского, обостренная духом острого эсхатологического персонализма его христианского видения человека. Делается вывод о сущностном равенстве поэтического языка и бытия/небытия в понимании Бобровского.

The poetic destiny of the outstanding German poet and novelist Johannes Bobrowski is being considered. His poetology in the most complicated synthesis of antinomic semantics and metrics is being analyzed. The existence of guilt with its exacerbated spirit of his Christian humanity's eschatological personalism in creative work of Bobrowski is being emphasized. The conclusion about the essential equality of his poetic language and being/nothingness in his understanding is being made.

Ключевые слова: вина, «герменевтическая бритва», память, сарматский миф, честность перед Богом, язык.

Key words: guilt, «hermeneutical razor», memory, sarmatism, honest to God, language.

В поэтической истории XX в., отмеченного почти апокалиптической динамикой военно-политических и антропологических катастроф, многие поэты были вынуждены стать «внутренними эмигрантами». Будто подтверждая печальный диагноз знаменитого еврейского бого-